

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1'01-31.09

ЧУДО В ДРЕВНЕРУССКИХ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ XIV–XV ВЕКОВ

С. С. Александров

Александров Сергей Сергеевич, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sereza-1988@mail.ru

В статье выявляются художественно-смысловое значение и функции чуда в двух древнерусских воинских повестях: «Летописной повести» о Куликовской битве и «Повести о стоянии на реке Угре».

Ключевые слова: воинская повесть, чудо, небесное заступничество, исторический источник, литературный памятник.

A Miracle in the Old Russian Military Novels of the XIV–XVth Centuries

S. S. Aleksandrov

Sergey S. Aleksandrov, ORCID 0000-0001-7766-5447, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, sereza-1988@mail.ru

The article reveals the artistic meaning and functions of the miracle in two Old Russian military novels: *Chronicle Novel on the Kulikovo field* and *Novel on the Stand on the Ugra River*.

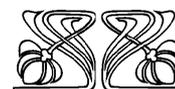
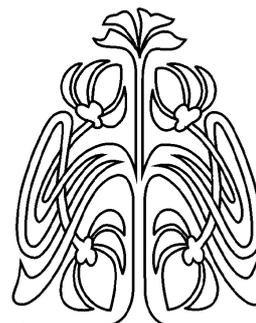
Key words: military novel, miracle, heavenly intercession, historic source, literary monument.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-35-39

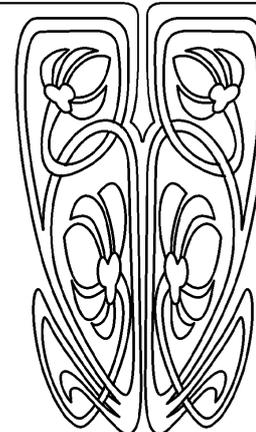
Исследователь древнерусских текстов непременно должен принимать во внимание одну особенность объекта его изучения, а именно средневековый историзм. Разнообразные повествования о деяниях князей, об основании монастырей и другие могут изучаться и как исторические, и как литературные памятники. Так, например, Я. С. Лурье писал: «В нашем восприятии событий прошлого всегда своеобразно переплетаются литература и история. Историк узнаёт о прошлом из источников, но источники эти – литературные памятники, проникнутые определённой тенденцией, написанные в той или иной художественной манере. С другой стороны, факт, вошедший в исследования и исторические курсы, постоянно используется как материал писателями нового времени, воплощается (и своеобразно деформируется) в исторических романах, драмах, поэмах»¹. Произведения, относящиеся к циклу о монголо-татарском нашествии, безусловно, не исключение из этого правила. Поэтому сразу отметим, что нас будут интересовать, прежде всего, литературные особенности двух повестей: «Летописной повести» о Куликовской битве и «Повести о стоянии на Угре».

Я. С. Лурье и Д. С. Лихачёв предприняли попытки соотнести эти произведения. Основания для такого соотнесения следующие:

– и тот и другой рассказы – это свидетельства современников описываемых событий. Я. С. Лурье отмечает то обстоятельство, что «хотя Куликовская битва куда более известна, чем “Угорщина”, свидетельств современников об “Угорском стоянии” сохранилось гораздо больше»². По мнению учёного, «только один рассказ “О великом побоище иже на Дону” может рассматриваться как более современный Куликовской битве – это рассказ Троицкой летописи (дошедший в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

составе Симеоновской летописи и Рогожского летописца); остальные летописные и внелетописные рассказы более позднего происхождения. Совершенно иначе обстоит дело с источниками о «стоянии на Угре»³. Это вполне закономерно, так как конец XV века – время расцвета русского летописания, и «о последнем бесславном походе хана повествует независимо друг от друга ряд современных летописцев»⁴;

– поход хана Ахмата был предпринят в 1480 г. – ровно через сто лет после Куликовской битвы; юбилеи обоих событий отмечаются одновременно⁵;

– Куликовская битва – одно из самых значительных событий в истории Древней Руси, тогда как «падение трёхсотлетнего ордынского ига на Руси совершилось без генерального сражения – простым «стоянием на Угре» в 1480 году двух войск – московского и ордынского, в результате которого войско хана Ахмата отказалось от попытки перейти небольшую мелководную реку Угру и повернуло назад»⁶.

По образному выражению И. П. Ерёмкина, «перед нами особый мир, дверь в который заперта, а ключ потерян»⁷. Одним из таких «ключей», как мы полагаем, может стать рассмотрение разнообразных чудес в воинских повестях, тем более что собственно тексты древнерусских воинских повестей дают такую возможность: сами составители названных произведений интерпретируют некоторые события как чудо, однако художественно-смысловая их значимость изучена, по нашему мнению, недостаточно.

Согласно словарным определениям:

– «Чудо – событие, не вытекающее из законов природы или естественных человеческих сил, а обусловленное сверхъестественными способностями людей или более могущественных существ»⁸;

– «Чудо – удивление»⁹.

О произведениях, посвящённых событиям Куликовской битвы, накоплена обширная научная литература, причём внимание исследователей может быть сосредоточено как на всех трёх памятниках: «Летописной повести», «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» («Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича» следует всё же, по мнению большинства специалистов, рассматривать в ряду житий), так и на каждом из них в отдельности. Исследователи касаются самых разных аспектов поэтики этих повествований: от способов изображения героев (А. Н. Робинсон) до ретроспективной и исторической аналогий (В. В. Кусков). Следует отметить и разыскания текстологической направленности. По словам М. Н. Тихомирова, «первоначальные краткие рассказы о кровопролитном сражении с татарами обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями, и за их цветистой внешностью не всегда легко увидеть истину, даже представить себе с полной

ясностью настоящий ход событий, связанных с битвой 1380 г.»¹⁰. Отметим, что исследователей больше привлекают «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» (хотя, как представляется, «Летописная повесть» не уступает им в художественной выразительности, просто выполняет другую задачу).

Как установила М. А. Салмина, в основе «Летописной повести» о Куликовской битве лежит рассказ Троицкой летописи под 1408 г., который до нас не дошёл. Сначала возникла краткая повесть, затем пространная. В целом же пространная повесть – самостоятельный рассказ, в котором гораздо подробнее освещаются события, предшествующие Куликовской битве, чем само сражение. Пространная повесть отличается от краткой публицистичностью и литературными особенностями. По мнению исследовательницы, это произведение не могло появиться ранее 1437 г.¹¹. Особого внимания заслуживает работа В. А. Грихина «Отражение событий Куликовской битвы в «Летописной повести о побоище на Дону»», автор которой выявляет сюжетно-композиционные элементы рассматриваемого памятника:

– погодная запись, констатирующая сложную политическую ситуацию, которая сложилась к осени 1380 г. (экспозиция);

– замыслы Мамаю (желание вступить в бой мотивируется поражением в битве на реке Воже за два года до Куликовской битвы);

– засылание Мамаем послов в Литву;

– переход русских войск через Дон;

– описание битвы¹².

В. А. Грихин верно обозначает художественную задачу, стоящую перед составителем повести, а именно: изложить события и высказать своё отношение к ним: «У нас нет оснований отказывать автору «Летописной повести» в чёткости и последовательности изложения материала. Он акцентирует внимание на тех событиях, которые, с его точки зрения, являются наиболее существенными, позволяющими высказать субъективное отношение, проникнутое героико-патриотическим и публицистическим пафосом»¹³. Основным средством для достижения цели, по наблюдению учёного, является противопоставление «окаянного Мамаю» и христолюбивого князя Дмитрия Ивановича. Но более яростное негодование вызывает у автора рязанский князь Олег – «Иуда-предатель», «дুষегубивый изменник».

Сюжетообразующим звеном повествования служит, на наш взгляд, последовательно выдерживаемое противопоставление: нападающие – грешники, обороняющиеся – праведники, – которое обнаруживается как в авторских словах («<...> хотя человеколюбивый бог спасти и свободити род христианский молитвами пречистыа его матере от порабощения измалтянскаа, от поганого Мамаю и от сонма нечестиваго Ягайла,

и <...> велеречиваго и худаго Олега Рязанскаго, не снабдеваша веры христианской»¹⁴, так и в речах персонажей, предводителей двух войск. Речь Мамаю: «Пойдемъ на рускаго князя и на всю землю Рускую, яко же при Батыи было. Христианство потеряем, а церкви божиа попалим, и кровь христианскую прольемъ, а законы их погубимъ» (112). Речь Дмитрия Ивановича: «Пойдемъ противу окаяннаго и безбжнаго <...> Мамаю за правоверную веру христианскую, за святяга церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы, суцаа и несущая». Центральное событие произведения – битва – воссоздано с помощью специальных воинских формул: «И бысть сеча зла и велика, и брань крепка, и трусь велик зело; яко от начало миру сеча не была такова» (122). Летописец подчёркивает превосходящие силы врага: ведь на него (Дмитрия Ивановича) поднялись три земли, три рати: первая – татарская, вторая – литовская, третья – рязанская.

Чудо последовательно проявляется в нескольких формах:

- благословление князя епископом Герасимом: «Благослови мя, отче, пойти противу <...> Мамаю и нечестиваго Ягайла и отступника нашего Олега, отступившаго от света в тьму» (116, 118);

- благословление и грамота Преподобного игумена Сергия: «битися с татары» (118);

- метафорическое противопоставление света и тьмы, предопределяющее исход битвы ещё до её описания: «И повеле Господь тме отступити, а свету пришествие дарова» (120);

- молитва князя: «Помози ми, Боже мой, спаси мя ради милости твоеа, вижь – врагы моа яко умножишася враги на мя. Господи, что ся умножишиа стужающейи мне? Мнози вьсташа на мя, мнози, борющиеся со мною, мнози гонящиеи мя, стужающейи ми, вси языци обыдоша мя; именем Господним я противяхся имъ» (122). Обратим внимание, что князь противопоставляет врагу не воинскую доблесть, а имя Господне;

- помощь «небесных воинов»: «Ангели помогают христианомъ и святых мученикъ полкъ и воина Георгия, и славнаго Дмитрия, и великих князей тезоименитых – Бориса и Глеба. В них же бе воевода съвршшеннаго плъка небесных вой – архистратигъ Михаил». Двое видели «тресльнечный плъкъ и пламенна их стрелы, яже идут на них; безбожнии же татарове от страха божиа и от оружия христианскаго падаху» (124). Мамай, признав силу и величие христианского Бога, призывает своих воинов бежать дорогами непроторёнными. Невидимой рукой Бог устрасил полки татарские, и они побежали. Русские воины секли врага без милости;

- чудесное спасение князя: «Всь доспехъ его бить язьвень, но на телеси его не бяше раны никоеа же; а бился с татары лицом в лице, став напреди в первомъ суйме» (126). Здесь читатель сталкивается с чудом-удивлением.

Особую значимость приобретает действенная молитва, подкреплённая благословлениями священнослужителей. В самый напряжённый момент схватки на помощь русским ратникам приходят небесные воины: Ангелы и Святые. На образном уровне важнейшим звеном являются антитезы: грешники (враги), праведники (защитники), света и тьмы. Тьма уступает свету, а значит, русские побеждают татар. Слово «чудо» встречается в тексте лишь раз: «... ты еси богъ творяй чюдеса единъ» (116). Этот возглас великого князя – проявление христианско-религиозного понимания природы чуда как непостижимости Божественного волеизъявления. Примечателен и финальный эпизод спасения князя, усложняющий структуру повествования, придающий летописному рассказу занимательность.

Рассмотрим проявления чудесного в «Повести о стоянии на Угре». Это произведение оказалось в центре внимания историков, которых интересовала его историческая основа (В. Д. Назаров), фигура московского князя Ивана III (А. Е. Пресняков, Я. С. Лурье). Я. С. Лурье указал и на неоспоримые литературные достоинства памятника: «Древнерусские книжники, писавшие о событиях 1480 года, конечно, пользовались при этом образами и стилистическими приёмами, свойственными литературе их времени, но сообщали они о реальных и очень важных событиях, смысл которых необходимо понять и историкам, и литературоведам»¹⁵. Ученый не обошёл вниманием «ссылки на чудо», мотивировав их политической позицией летописца: «Что касается ссылок на чудо при объяснении исторических событий, то они, конечно, довольно обычны в древнерусских литературных памятниках, но включать рассказ, задевающий самого великого князя, только для того, чтобы ввести тему чуда, официальные летописцы едва ли стали бы <...>. Великокняжеские летописцы упомянули о колебаниях в 1480 г., вероятнее всего по той простой причине, что о них прекрасно знали современники: следовало поэтому не скрывать эти факты, а объяснить их, возложив ответственность на “злых человек”, советников, уже попавших к тому времени в опалу»¹⁶. Однако эти «ссылки» значимы и в художественном отношении. Необходимо учесть несколько важных историко-географических подробностей. «Повесть о стоянии на Угре» была создана предположительно в 80-е гг. XV в. К этому времени относится её действие. Произведение тематически связано с повестями Куликовского цикла. В основе лежит реальное историческое событие: царь Ахмат действительно воссоединился с польским королем Казимиром для того, чтобы воевать с Русью. В повести изменено только имя героя. Это был хан Ахмед.

Угра – северный приток Оки, впадающий в нее в районе Калуги, западнее Серпухова и

Турусы. То, что царь Ахмат, не сумев перебраться через Оку, пошел по Литовским землям, подтверждает ряд источников (ростовская повесть об Угре, Московский свод и Лихачевский летописец)¹⁷.

Фабула повести такова. Пришла весть к великому князю, что царь Ахмат идет с ордой, да еще в союзе с польским королем Казимиром (король и направил его против Руси, желая сокрушить христианство). Князь же великий находился в Коломне, а сына своего Ивана поставил у Серпухова, а князя Андрея Васильевича Меньшого в Тарусе, а прочих князей и воевод – в иных местах, а других – по берегу. Ахмат прознал, что великий князь стоит у Оки и пошел к Московской земле, желая взять в союзники короля и его войско. Бывалые проводники указали ему путь к реке Угре. А князь поехал из Коломны в Москву к церквам Спаса Пречистой Богородицы и к Святым Чудотворцам с просьбой о помощи христианам, намереваясь обсудить, как защищаться от врага, с митрополитом Геронтием и с матерью, великой княгиней Марфой, и с дядей Михаилом Андреевичем, и с духовным отцом архиепископом ростовским Вассианом, и с боярами (были тогда они в осаде в Москве). И молили его «великим молением», чтобы крепко бился он за христианство против басурман (экспозиция). Князь великий внял их мольбе, получил благословление и направился к Угре и, переправившись через реку, стал у Кременца с небольшим числом людей – остальных же отпустил на Угру. Ахмат ожидал, что король придет к нему на помощь, но тот был занят в междоусобной расправе и помочь не сумел. А подошел со своим войском к Угре, надеясь перейти реку.

В этом произведении можно усмотреть два «чудесных» эпизода в описании боя, который так и не состоялся:

– «И придоша татарове, начаша стреляти, и наши на них, инии же придоша противу князя Андрея, а инии противу великого князя мнози, а овии противу воевод вступу приступиша. Наши стрелами и пищальми многих побиха, а их стрелы между наших падаху и никого же уязвляху. И отбиша их от брегу. И по мнози дни приступаху бьющееся и не возмогоша, ждуще, егда река станет»¹⁸. Это обстоятельство представлено в произведении как помощь свыше русским воинам;

– «Тогда же бысть Преславное Чюдо Пречистыя Богородица: егда отступиша от брегу наши, татарове страхом обдержими побегоша, мняще, яко берег даяху им Русь и хотят с ними битися. И наши, мнящее татар за ними реку пришедших, за ними женут придоша на в Кременец <...> едени от других побеже и никто же женяше»¹⁹.

То есть Небесная Заступница не только отводит от русских воинов вражеские стрелы, но и помогает избежать кровопролития. Можно сказать, что небесное заступничество имеет значение кульминации в повести. Заверша-

ется произведение риторическим воззванием летописца сохранить независимость Руси от иноземного ига.

Таким образом, чудо обнаруживается на сюжетно-композиционном, образном и стилевом уровнях произведений. Особо отметим эпизоды, где действуют небесные заступники (Богородица, святые Борис и Глеб и др.), решающая исход сражения в обеих повестях. Важно отметить и силу чуда, заключенного в слове (молитва князя, благословление священнослужителей, помещенные, как правило, в экспозиции). Чудесное может быть введено в текст как прямо («Бысть Преславное чудо»), так и иносказательно («И повеле Господь тме отступить и свету пришествие дарова»). Во втором случае метафорическое противопоставление, заявленное до описания самой битвы и сообщения об ее исходе, может подсказать читателю, чем закончится сражение. На сюжетном уровне ярче всего чудо проявляет себя в кульминационном моменте действия. С его помощью русские воины одолевают врага или же обе рати избегают военного столкновения.

Примечания

- ¹ Лурье Я. Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе // Рус. лит. 1982. № 2. С. 52.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Лихачёв Д. Литература эпохи исторических размышлений // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / вступ. ст. Д. С. Лихачева, сост. и общ. ред. Л. Д. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1982. С. 6.
- ⁷ Ерёмин И. Лекции и статьи по древней русской литературе. Л., 1987. С. 7.
- ⁸ Алексеев С. Чудо // Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского. Репринт воспр. изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон, 1890 г. Т. 77. М., 1993. С. 12–13.
- ⁹ Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1547.
- ¹⁰ Тихомиров М. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве / отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1959. С. 335. (Литературные памятники).
- ¹¹ См.: Салмина М. Ещё раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 32. Л., 1977. С. 3–39.
- ¹² См.: Грихин В. Отражение событий Куликовской битвы в «Летописной повести о побоище на Дону» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1980. № 5. С. 9.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 112. Цит. по списку Новгородской Карамзинской летописи XVI в. (ГПБ, F.IV. 603). Ис-

правления внесены по Голицынскому списку первой редакции Новгородской четвёртой летописи (ГПБ, Q.XVII, 62). Далее цитируется это издание с указанием страниц в скобках.

¹⁵ Лурье Я. Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе. С. 64.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Лурье Я. Комментарий // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 667.

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 516. В собрании «Библиотека литературы Древней Руси» печатается тот же текст Типографской Академической летописи по списку XVII в. – БАН, 32. 8. 3. Л. 493–496 об., с исправлениями по рукописи Типографской Синодальной XVI в. – ГИМ, Синодальное собр., № 789 с комментариями Я. С. Лурье.

¹⁹ Там же.

Образец для цитирования:

Александров С. С. Чудо в древнерусских воинских повестях XIV–XV веков // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 35–39. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-35-39.

Cite this article as:

Aleksandrov S. S. A Miracle in the Old Russian Military Novels of the XIV–XVth Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 35–39 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-35-39.
